

М.М. МИНЦ

**СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА
И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
(Обзор)**

Столетний юбилей такого поистине эпохального события, каковым безусловно являлись революции 1917 г. в России, не мог не сопровождаться огромным количеством посвященных им новых научных публикаций. Частично эти издания были отражены в двух сборниках, выпущенных ИНИОН РАН в 2017–2018 гг. [39; 40], но поскольку они тоже делались «к юбилею» (революций и начала Гражданской войны), основная часть книг, увидевших свет в 2017 г., в них не попала. Между тем многие из них представляют несомненный интерес. Их тематика довольно широка: институциональное измерение революции (конституционное право, история политической борьбы, местное самоуправление); история политического лидерства; развитие революционных процессов в регионах; роль армии и флота в событиях и др. Проанализируем некоторые из этих работ.

О работах общего характера

Фундаментальную обобщающую монографию по истории революций 1917 г. выпустил *коллектив сотрудников ИРИ РАН* под редакцией его директора Ю.А. Петрова [41]. Хронологически она охватывает период от кануна падения монархии до принятия первой советской Конституции 1918 г., т.е. до официального оформления нового государства. Продолжая тенденцию, наметившуюся в последние годы, авторы рассматривают эти события как единую Великую российскую революцию – вернее, как ее составную часть, поскольку в это же понятие они включают и Гражданскую войну. Как отмечается в книге, этот период социальных потрясений стал продолжением системного кризиса Российской империи, вызванного Первой мировой войной.

Структура двухтомника выстроена по тематическому принципу и включает в себя восемь разделов, посвященных соответственно историографии революций 1917 г., международному положению революционной

России, состоянию российского общества накануне революции, экономической ситуации, трансформации властных институтов, партийной системе, социальным процессам 1917 – начала 1918 г. и, наконец, развитию отечественной культуры в революционные месяцы. Авторам, таким образом, удалось собрать и систематизировать обширнейший фактический материал, относящийся к различным сферам жизни страны на протяжении 1917 – первой половины 1918 г. В то же время причины и механизмы произошедшего остались по большей части не раскрытыми, так что работа в целом, к сожалению, носит скорее описательный характер и представляет собой в большей степени *историю России в период революции*, нежели историю самой революции. Симптоматично, к примеру, что важнейший, казалось бы, для такого труда раздел о причинах революции в книге просто отсутствует, а некоторые рассуждения о социокультурных основаниях катастрофы 1917 г. содержатся в разделе «Культура в революции – революция в культуре», который, по старой, советской еще традиции, помещен в самом конце двухтомника. И это притом что, как признают сами авторы раздела, «не только – а возможно, и не столько – объективные социально-экономические и военные обстоятельства следует считать причиной Великой революции. Свою разрушительную роль сыграли и трудно поддающиеся измерению политико-культурные факторы, насквозь проникнутые к тому же психопатологическими настроениями масс» [41, т. 2, с. 551–552] (глава Т.А. Филипповой «Политико-культурные смыслы Великой российской революции»).

Суммируя достижения предшествующей историографии, авторы двухтомника подчеркивают значение спонтанных «низовых» массовых движений в революционных событиях, а также во многом архаический характер революций 1917 г. Преобладание в стране крестьянского населения обусловило широкое распространение традиционных уравнилельских настроений. Столь же архаичной была практика объединения в ассоциации по сословному и этническому, а не по политическому признаку, особенно распространенная на окраинах империи. Это препятствовало формированию современного гражданского общества и его политической консолидации. Стихийный передел земли начался еще до прихода к власти большевиков, которые вынуждены были законодательно закрепить результаты этой «крестьянской революции» сначала Декретом о земле, а затем Основным законом о социализации земли от 27 января (9 февраля) 1918 г. Авторы отмечают также важную роль всевозможных слухов, которые нередко «упреждали развитие событий, подталкивая большевиков на решительные действия. Левые силы, включая большевиков, в сущности, действовали в русле массовых ожиданий» [41, т. 2, с. 567]. Это также было связано не только с утратой доверия к официальным источникам информации, но и с архаичностью политической культуры в целом.

Многие сложившиеся представления о политических процессах в изучаемый период, по мнению авторов, нуждаются в серьезной корректировке. То же «двоевластие», к примеру, в значительной степени является мифом, поскольку в первой половине 1917 г. система Советов еще только начинала формироваться (и отличалась большой пестротой, создавались даже советы офицерских депутатов и советы трудовой интеллигенции), а лидеры советского движения на этом этапе еще не претендовали на захват власти в стране. В то же время на практике Советы чаще всего располагали властью и даже осуществляли законодательные функции (наиболее очевидный пример – Приказ № 1). Не менее парадоксальной была и позиция Временного правительства, которое официально приняло доктрину «непредрешенчества», однако на деле вынуждено было выполнять не только распорядительные, но и законодательные функции, сконцентрировав в своих руках всю полноту власти в стране; получилась своеобразная «диктатура, которая стеснялась своих диктаторских полномочий» [41, т. 2, с. 563]. Лишь осенью 1917 г. на фоне стремительного падения его авторитета в Советах возобладала идея его устранения.

Авторы подчеркивают, что свержение Временного правительства в октябре 1917 г. было осуществлено не столько одними большевиками, сколько коалицией левых партий радикального толка, объединенных общей установкой на дальнейшее углубление революции. Переход к однопартийной большевистской диктатуре с фактическим свертыванием советской демократии в ее первоначальном виде произошел позже, в 1918 г.

Нуждается в пересмотре и традиционное представление о «триумфальном шествии Советской власти» после Октябрьского переворота. Как показывают современные исследования, «власть на местах переходила не столько к большевизированным Советам, сколько к вооруженным солдатским массам. В сущности, вся первая половина 1918 г. была временем торжества военизированной охлократии. Фактически приход большевиков к власти стал началом Гражданской войны в России» [41, т. 1, с. 11].

А.Н. Медушевский в книге *«Политическая история русской революции»* [32] разрабатывает собственную целостную концепцию революций 1917 г., а также истории Советского государства, поскольку оба явления в его представлении составляют неразрывное целое. В качестве методологической основы своего исследования автор использует теорию когнитивной истории О.М. Медушевской. В рамках данного подхода «политическая история революции предстает как направленная деятельность по конструированию новой социальной реальности: определение ее форм; фиксация их смены в основных политико-правовых документах, принятие которых неизбежно отражает значимые изменения информационной картины общества. Анализ процессов их разработки, принятия и функционирования позволяет, следовательно, реконструировать когнитивную логику

революции. Этот подход позволяет связать воедино ряд основных компонентов социального конструирования реальности – идеологические установки партий, выражающие их правовые ценности, принципы и нормы, созданные на их основе политические институты, каналы коммуникации (информационный обмен, как непосредственный, так и опосредованный), установить соотношение имитационной информационной деятельности (выдвижение декларативных лозунгов) и реальной (не декларируемых, но подразумеваемых целей), раскодировать подлинный смысл установленных правил и норм, раскрыть процессы формальной и неформальной институционализации, инструменты установления и поддержания когнитивного доминирования элиты в обществе» [32, с. 15]. Наибольшее внимание Медушевский уделяет институциональной истории исследуемого периода, рассматривая ее как стержневой вопрос, изучение которого позволяет понять общий смысл революции и порожденных ею изменений в государстве и обществе, связать имеющиеся знания по новейшей отечественной истории в единое целое.

В хронологическом отношении работа охватывает практически всю историю России в XX в., поскольку автор, опираясь на выбранный методологический подход, присоединяется к тем ученым, которые предпочитают рассматривать любую революцию как длительный процесс, несводимый к одному лишь краткому периоду наиболее радикальных и скоротечных общественно-политических трансформаций, который обычно обозначается этим словом. Для достижения поставленной цели исследования он решает целый ряд задач, и в частности подробно анализирует советские Конституции 1918, 1924, 1936 и 1977 гг., проект «оттепельной» Конституции 1964 г. и конституционные преобразования горбачевской эпохи, прослеживает соотношение между правом и идеологией, официальными и неофициальными нормами на разных этапах развития советской государственности. Книга, таким образом, написана на стыке политической истории и истории права.

Советский конституционный строй Медушевский характеризует как *номинальный конституционализм*, определяющими чертами которого неизменно являлись полное подчинение права идеологии, безусловный приоритет – в той или иной форме – политической целесообразности над законностью и стремление в максимальной степени вывести реальные «правила игры», регулирующие истинное распределение властных полномочий в советском руководстве, «за скобки» писаного конституционного права. Едва ли не единственной писаной нормой, отражавшей действительное положение вещей, являлась ст. 6 Конституции 1977 г., закреплявшая «руководящую и направляющую» роль КПСС. Показательно, что ее отмена в годы перестройки оказалась важным шагом на пути к крушению советского режима.

Важной особенностью русской революции автор считает то обстоятельство, что свержение старого порядка сопровождалось значительной ретрадиционализацией российского общества; к жизни вернулись такие архаичные формы социально-политического устройства, как коллективизм, закрепощение личности государством и принудительное перераспределение материальных ресурсов во имя социальной справедливости. Итогом этих процессов и стало формирование большевистской диктатуры, основанной на тотальном огосударствлении экономики и массовом терроре. Вместе с тем Медушевский отмечает, что эти явления не стоит рассматривать как следствие каких-то «вечных» национальных особенностей России, и критикует распространенные концепции «русской системы», «эффекта колеи» и т.п. (защитники авторитарного строя в сущности пишут об аналогичных явлениях, но оценивают их положительно, как «особый исторический путь» нашей страны). Он обращает внимание на то, что аналогичные процессы протекали и во многих других странах, переживших в XX в. аграрные революции. Таким образом, срыв демократических преобразований в результате большевистского переворота был, по его мнению, обусловлен прежде всего особенностями текущего исторического момента: для подавляющей части населения России к 1917 г. царизм и противостоящие ему либеральные ценности оказались в равной степени неприемлемыми.

Монография А.А. Ильюхова [18] посвящена *истории коалиции большевиков и левых эсеров*: обстоятельствам ее возникновения, причинам распада, последствиям коалиционного периода для последующей истории большевистского режима. Источниковую базу работы составили документы СНК, ВЦИК, ЦК РСДРП(б), ЦК партии левых эсеров, а также документы Викжеля (оказавшего существенное влияние на процесс складывания коалиции), центральных комитетов меньшевиков и меньшевиков-интернационалистов, опубликованные документальные сборники и мемуары участников событий.

Книга состоит из введения, четырех глав и заключения. Особенно подробно автор описывает историю формирования коалиционного правительства большевиков и левых эсеров (включая роль Викжеля в этом процессе) и его практическую деятельность зимой 1917–1918 гг., отдельная глава посвящена сотрудничеству большевиков и левых эсеров в составе ВЦИК. В приложении приводится небольшая, но содержательная подборка документов, главным образом архивных либо опубликованных непосредственно в ходе или вскоре после изучаемых событий (т.е. в период Гражданской войны или в 1920-е годы).

Первые попытки создания коалиционного социалистического правительства, предпринятые уже в первый месяц после Октябрьского переворота, потерпели неудачу, несмотря на все усилия Викжеля, который в

тот момент являлся весомой политической силой. Большевики просто не видели необходимости в сотрудничестве с другими социалистическими партиями, взяв курс на построение однопартийной диктатуры. Прочие социалисты, со своей стороны, не были готовы к полноценным переговорам и компромиссам, поскольку считали организованное большевиками свержение Временного правительства узурпацией власти. В последующие недели, однако, сохраняющееся широкое влияние эсеров в деревне и ухудшающееся экономическое положение в стране вынудили большевиков пересмотреть свои позиции.

Коалиция большевиков и левых эсеров сложилась в декабре 1917 г., когда представители левых эсеров были введены в состав СНК. Автор подчеркивает, что на данном этапе большевики нуждались в такой коалиции даже больше, чем левые эсеры, и вынуждены были пойти на значительные уступки, отложив на время осуществление наиболее радикальных преобразований. На местах коалиция была воспринята как естественное развитие событий, поскольку в условиях политической борьбы сначала с царизмом, а затем и с Временным правительством сотрудничество для местных организаций всех основных социалистических партий было важнее, чем межпартийные разногласия. Союз с левыми эсерами сыграл на руку большевикам, обеспечив поддержку коалиционного СНК в сельской местности. Для левых эсеров результаты этого сотрудничества оказались не столь однозначными, поскольку со временем наметился переход части их избирателей-крестьян на сторону большевиков.

Уже весной 1918 г. между союзниками начали расти противоречия. Тяжелым испытанием для коалиции оказался Брестский мир: левые эсеры, не выходя из правительства, подвергли его резкой критике, что было уже довольно опасно для большевиков, поскольку могло лишить их массовой общественной поддержки. Не меньшую критику вызвали и все более жесткие меры, принимавшиеся большевиками в деревне, включая введение продовольственной диктатуры, создание продотрядов, комбедов и буксующую социализацию земли, которая зачастую откровенно саботировалась местными большевистскими органами, несмотря на ленинский Декрет о земле. Исходя из этого, автор приходит к заключению, что летом 1918 г. коалиция была уже обречена из-за непреодолимых разногласий между ее участниками. Мятеж левых эсеров 6 июля лишь дал большевикам удобный повод для окончательного разрыва с ними.

Автор подчеркивает также, что для большевиков союз с левыми эсерами всегда был не более чем временным тактическим ходом. Таким образом, надежды других социалистов на формирование долгосрочного коалиционного правительства, по-видимому, были несбыточны в принципе.

А.В. Мамаев в своей книге исследует *место и роль органов городского самоуправления в революциях 1917 г.* главным образом на материа-

лах Петрограда, Москвы, Вятской и Тульской губерний [30]. В методологическом отношении исследование основано на сочетании модернизационного и цивилизационного подходов, что позволило автору проанализировать, как преломлялись общемировые тенденции модернизации в специфических российских условиях.

В качестве источников в книге используются не только архивные документы, но и печатные издания изучаемого периода, прежде всего статистические материалы и периодика, в том числе региональная. Архивные материалы изучались как на общегосударственном уровне (документы ГАРФ, РГИА, РГВИА), так и на местном (Центральный государственный архив Москвы, государственные архивы Кировской и Тульской областей).

Структура книги выстроена по проблемно-хронологическому принципу и включает в себя введение, четыре главы и заключение. В первых двух главах рассматриваются социально-политические основы городского самоуправления, а также городское хозяйство и финансы накануне Февральской революции, в третьей и четвертой главах – трансформация института городского самоуправления и финансово-хозяйственная деятельность муниципалитетов с февраля по октябрь 1917 г.

Автор приходит к выводу, что «институт городского самоуправления в России накануне революции переживал кризис, так как все меньше соответствовал потребностям и ожиданиям образованного городского общества, свой отпечаток наложили обстоятельства мировой войны, ситуация общенационального кризиса, являвшегося отражением противоречивости ускоренных неорганических модернизационных процессов в России» [30, с. 372–373]. Для преодоления этого кризиса требовалась серьезная трансформация институтов городского самоуправления с расширением его полномочий и финансовой базы. Такую трансформацию попыталось осуществить Временное правительство, проведенная им реформа включала в себя не только новое законодательство о городском самоуправлении, но и новые выборы в городские думы, впервые проводившиеся на основе всеобщего равного избирательного права с прямым тайным голосованием. Городские думы были выведены из-под контроля местных административных органов (комиссары Временного правительства могли лишь опротестовать в суде решения, нарушавшие законодательство), им была подчинена городская милиция, в их же компетенцию вошло и решение продовольственного вопроса в городах. Предполагалось, что в результате этих мер городское самоуправление, которое до революции выполняло лишь хозяйственные функции под контролем царской администрации, составит основу для формирования гражданского общества на местах и станет важнейшей опорой нового правительства в проведении реформ.

На деле результаты преобразований оказались гораздо более скромными. Переход к всеобщему избирательному праву позволил представить

в городских думах интересы всех слоев населения, но одновременно привел и к снижению квалификации гласных. Расширение полномочий городских дум не обеспечивалось соответствующим ростом их доходов, что вынуждало городские власти либо влезать в долги, либо повышать местные налоги, но даже этого не хватало для закупок продовольствия, топлива и разрешения жилищного кризиса. Всё это вызывало растущее недовольство населения, тем более что завышенные ожидания в отношении роли местного самоуправления в будущей демократической России существовали и до революции. Политизация городских дум привела сначала к постоянным межпартийным конфликтам, а затем – к падению авторитета городского самоуправления как такового на фоне снижающейся популярности либеральных партий. После Октябрьского переворота большевики и левые эсеры какое-то время продолжали курс на децентрализацию управления и пытались встроить существующие городские думы и их административный аппарат в новую систему местных органов власти, снова ограничив их полномочия одними лишь хозяйственными вопросами. Это вызвало сопротивление городских дум, и после роспуска Учредительного собрания новая власть перешла к ликвидации прежних органов городского самоуправления, функции которых были переданы местным Советам.

Наконец, книга В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой «1917 год: Элиты и толпы» посвящена культурной истории революций 1917 г. Авторы стремятся реконструировать атмосферу и «дух» эпохи, чтобы понять прежде всего культурные истоки охвативших Россию политических и социальных катаклизмов. Именно понимание таких «тонких материй людского бытия», по их мнению, является главной целью историка. Основной своей задачей они считают концептуальное переосмысление знаний, уже накопленных наукой, поэтому книга основана главным образом на источниках, введенных в научный оборот, с добавлением «малоизвестного газетного материала» [10, с. 55]. Авторам удалось проанализировать довольно значительный фактический материал, но выбранная ими стилистика отличается заметной публицистичностью. Книга состоит из предисловия, введения, четырех тематических глав и заключения, снабжена именным указателем. Наибольшее внимание авторы сосредоточивают на четырех факторах: культурных образах, ценностях и нормах, религиозном кризисе, слухах и психологии толпы.

О политических лидерах революции

Из работ, посвященных проблеме политического лидерства, прежде всего стоит упомянуть монографию Б.И. Колоницкого «Товарищ Керенский» [23]. Автор анализирует «культ Керенского», который активно раскручивался российской официальной пропагандой, особенно в первые ме-

сяцы после Февральской революции. Хронологически исследование охватывает период с февраля по июль 1917 г., когда авторитет и влияние А.Ф. Керенского достигли своего пика. В качестве источников Колоницкий использует прежде всего тексты самого Керенского, его речи и приказы, а также всевозможные пропагандистские и информационные материалы, политические резолюции, петиции, коллективные письма, дневники и переписку участников событий. Книга состоит из четырех глав. В первой описывается, как различные эпизоды дореволюционной биографии Керенского использовались в послефевральский период для формирования его пропагандистского образа. Во второй главе автор анализирует характеристики, которые давались Керенскому в марте-апреле 1917 г., когда он был министром юстиции, и те приемы, которые он сам использовал для укрепления своего авторитета и репутации «сильного человека в правительстве». В последних двух главах описывается деятельность Керенского на посту военного министра в коалиционном Временном правительстве, в том числе по пропагандистскому обеспечению нового наступления на фронте в июне 1917 г.

Как показано в книге, идеология вождизма начала формироваться в России еще до прихода к власти большевиков. Тот же Керенский вполне сознательно выстраивал свой образ «вождя революционной армии»; на некоторых митингах начала мая 1917 г. он заявлял, что принял на себя «тяжелые обязанности вождя русской армии и флота» [23, с. 272]. При этом политические противники могли подвергать сомнению его состоятельность в качестве «вождя», но не сам принцип вождизма как таковой (авторитет незаурядных личных дарований политического лидера как основы легитимации его власти). Любопытно, что Керенский и прославлявшие его пропагандисты невольно оказали услугу Ленину: нападки со стороны авторитетного и харизматичного министра на гораздо менее известного в тот момент в России лидера большевиков заметно прибавили ему популярности.

Кандидатская диссертация В.Н. Самоходкина [42] посвящена *политической деятельности Г.Е. Зиновьева в 1917 г.*, включая его участие в Циммервальдском движении, роль в революционных событиях в России, взаимоотношения с Лениным и др. Использование историко-биографического метода позволило автору также исследовать процесс интеграции заграничного большевистского центра в революционный процесс в России, его непосредственное влияние на динамику событий. Подобно ряду других современных историков, Самоходкин рассматривает потрясения февраля – октября 1917 г. как единую Великую российскую революцию.

Диссертация состоит из введения, трех хронологических глав и заключения. Ее источниковую базу составили документы РГАСПИ, ГАРФ и Центрального государственного архива историко-политических докумен-

тов Санкт-Петербурга, а также значительный корпус опубликованных источников, прежде всего сочинения самого Зиновьева, и многочисленные воспоминания.

По наблюдениям автора, Зиновьев в 1917 г. проявил себя прежде всего как талантливый оратор. Большую часть изучаемого периода он выступал в качестве доверенного лица Ленина и сыграл важную роль в продвижении его идей. Еще будучи в эмиграции, Зиновьев оказал существенное влияние на стратегию большевистской партии в Циммервальдском движении и на проект будущего Коммунистического интернационала, участвовал в подготовке возвращения лидеров РСДРП(б) в Россию после Февральской революции. Вплоть до июля 1917 г. он в общем разделял позицию Ленина, но в августе-сентябре перешел в оппозицию, будучи уверен, что в сложившейся обстановке у большевиков не хватит сил для захвата и удержания власти вооруженным путем. Как представляется автору, такой поворот был обусловлен тяжелым впечатлением, которое на Зиновьева произвели неудачные для большевиков результаты Июльских событий. Довольно нерешительный по характеру, Зиновьев опасался, что новая попытка вооруженного восстания может оказаться для партии фатальной. Через две недели после Октябрьского переворота он вновь перешел на сторону Ленина, 13(26) декабря стал председателем Петроградского совета, оказал большое влияние на принятие целого ряда решений, необходимых вождю большевиков. Оценив его «раскаяние», Ленин оставил его руководить Петроградом после переезда правительства в Москву в марте 1918 г.

Общий вклад Зиновьева в революционный процесс 1917 г. Самоходкин оценивает как довольно значительный. Важное влияние этот год оказал и на биографию самого Зиновьева: «То положение, которое Зиновьев занял в советской партийной иерархии во многом благодаря своей деятельности в исследуемый период, позволило ему после смерти В.И. Ленина претендовать на звание одного из главных его наследников. К сожалению для Григория Евсеевича, совершенные им в 1917 г. политические “ошибки”, в период внутривнутрипартийной борьбы использованные его основными оппонентами (в 1924 г. Л.Д. Троцким, а затем, в 1926 г., И.В. Сталиным), сыграли немаловажную роль в последующем отстранении Г.Е. Зиновьева от власти и, в конечном счете, привели к его гибели в 1936 г.» [42, с. 247].

О вооруженных силах и революции

Поскольку немаловажную роль сначала в свержении Николая II, а затем и в установлении большевистской диктатуры (в том числе в утверждении советской власти на местах) сыграли революционно настроенные

солдаты царской армии, а в Петрограде – также моряки-балтийцы, неудивительно, что многие авторы до сих пор обращаются к истории российских вооруженных сил в рассматриваемый период. Подробно изучаются их общее состояние, причины радикализации солдат и матросов, их участие в антиправительственных выступлениях.

Так, *деятельность Военного министерства в революционном 1917 г.* описывает в своей монографии А.С. Сенин. Особое внимание он уделяет «истории военного аппарата и его роли в военных усилиях молодой республики и политической борьбе, развернувшейся за вооруженные силы» [45, с. 4]. Исследование основано на обширном и многообразном корпусе источников, включая всевозможные документы военного ведомства (как опубликованные, так и архивные из РГВИА, РГВА, ГАРФ), периодическую печать (газеты, журналы, в том числе официальные издания военного ведомства), личные архивы ряда военных и политических деятелей революционной России, мемуаристику.

Книга состоит из введения, шести глав и заключения. Автор последовательно рассматривает систему управления вооруженными силами России и попытки его централизации в годы Первой мировой войны, состояние военного ведомства накануне Февральской революции, реформы весны 1917 г., реорганизацию Военного министерства, политическую борьбу за влияние на армию, кризис военного ведомства осенью 1917 г. Исследование носит в основном описательный характер, общие выводы подменяются рассуждениями о «безответственности» либеральных политиков, допустивших революцию и свержение действующего правительства в разгар войны, а также о «несовместимости» либеральных идей с «русскими нравственными ценностями». Тем не менее фактический материал, собранный автором, представляет несомненный интерес.

Система органов высшего военного управления в годы Первой мировой войны базировалась на Положении о полевом управлении войск в военное время от 16 июля 1914 г. В соответствии с этим положением с началом войны была сформирована Ставка верховного главнокомандующего, которой подчинялись не только части и соединения действующей армии, но и гражданские учреждения на театре военных действий. На остальной территории России сохранялась обычная гражданская администрация. Внутренние военные округа по-прежнему подчинялись Военному министерству, оно же отвечало за материально-техническое снабжение действующей армии, но функционировало независимо от Ставки, поскольку являлось правительственным учреждением. Это привело к дезорганизации управления, преодолеть которую не удалось ни до Февраля, ни при Временном правительстве.

В марте-апреле 1917 г. назначенный военным и морским министром А.И. Гучков попытался провести ряд реформ, направленных прежде всего

на то, чтобы стабилизировать ситуацию в армии, сохранить ее боеспособность, подготовиться к новому наступлению на фронте и удержать стремительное падение дисциплины. Преобразования принесли лишь ограниченный эффект; их разработчики буквально «не поспевали» за продолжающейся радикализацией настроений в войсках. В первые дни Февральской революции политики либерального толка возлагали большие надежды на Гучкова, который сам имел опыт военной службы, досконально знал ситуацию в военном ведомстве и рассматривался как наиболее перспективный кандидат на должность министра. На деле, однако, отношения с другими министрами у Гучкова не сложились, и 30 апреля он подал прошение об отставке.

Дальнейшие реорганизации Военного министерства на протяжении 1917 г. были направлены главным образом на повышение эффективности его аппарата и улучшение снабжения армии. Аппарат министерства стал еще более сложным и многочисленным, его политическое и бюрократическое влияние также возросло, хотя Ставка и верховный главнокомандующий по-прежнему подчинялись не министру, а напрямую Временному правительству. Что касается снабжения армии, то здесь успехи по большей части оставались довольно скромными, поскольку экономические и людские ресурсы страны были уже на исходе, а поставки из-за рубежа постоянно буксовали, в том числе из-за неуверенности союзных правительств в жизнеспособности новой российской власти.

Политическую борьбу за влияние в армии Временное правительство проиграло. Дисциплина в войсках неуклонно падала, солдаты Петроградского гарнизона приняли участие в антиправительственных выступлениях в начале июля. Среди офицеров и генералов в то же время росло убеждение в том, что спасти страну от окончательной катастрофы может только военная диктатура. С этим был связан мятеж генерала Л.Г. Корнилова в конце августа.

После Октябрьского переворота прежнее военное ведомство какое-то время еще продолжало функционировать, теперь уже под контролем Совета народных комиссаров. При этом часть учреждений были постепенно либо расформированы, либо переданы в структуру вновь созданного Наркомата по военным делам и других советских ведомств. Этот процесс еще больше ускорился в декабре 1917 г. с началом демобилизации армии. В первой половине 1918 г. старое военное ведомство было окончательно ликвидировано.

Книга К.А. Тарасова «Солдатский большевизм» [49] посвящена деятельности большевиков в войсках и их взаимоотношениям с солдатами на примере Петроградского гарнизона. Автор исследует прежде всего историю Военной организации большевиков, почти не изучавшуюся в советский период и вследствие этого сильно мифологизированную. Работа

выполнена в основном в рамках «новой политической истории»; автор прослеживает рост леворадикальных настроений в войсках, влияние армейской повседневности на политические настроения нижних чинов, анализирует отношение солдат к большевикам, их влияние друг на друга. Он задается также вопросами о роли большевиков в Июльских событиях 1917 г. и о причинах их поддержки воинскими частями, дислоцированными в Петрограде, осенью того же года, позволившей им не только успешно свергнуть Временное правительство, но и удержать свои позиции в столице в последующие месяцы.

В качестве источников в книге используются не только партийные документы и мемуаристика, но и значительный комплекс документов солдатского движения – прежде всего протоколы солдатских комитетов и общих собраний солдат запасных частей, а также материалы Особой следственной комиссии, расследовавшей обстоятельства участия войск Петроградского гарнизона в выступлениях 3–5 июля 1917 г. Книга состоит из введения, четырех хронологических глав и заключения, снабжена справочным приложением, именованным указателем и указателем полков.

Проведенное исследование позволило автору выработать собственную позицию по вопросу о соотношении «стихийности» и «сознательности» в революционном движении. Соглашаясь с Л. Хаймсоном, он считает противопоставление этих факторов некорректным. Согласно его наблюдениям, процесс радикализации Петроградского гарнизона основывался на взаимодействии и взаимовлиянии солдат и руководства левых партий. При этом политические настроения солдат определялись уже не столько крестьянским менталитетом, сколько личным опытом службы в армии (в том числе на фронтах Первой мировой войны), специфически армейской идентичностью и чувством солдатской солидарности. Широкое распространение среди солдат получили также идеи прямой демократии – отсюда, в частности, попытки повлиять на политику Временного правительства и Петроградского совета посредством всевозможных резолюций и демонстраций. С этим же связана и практика общеполковых собраний, которые в отдельных случаях противопоставлялись полковым комитетам и использовались большевиками для усиления своего влияния. Налаживались и прямые «горизонтальные» связи между полками в обход солдатских комитетов. Последние, со своей стороны, состояли из наиболее образованных солдат и выступали в качестве своеобразного посредника между политическими партиями и «солдатской массой». Аналогичную роль играла и Военная организация большевиков. Подстраиваясь под возможности своей аудитории, партийные агитаторы вынуждены были «переводить» свои программы и лозунги на понятный ей язык, что давало солдатам возможность знакомиться с позицией различных партий по тем или иным вопросам и формулировать свои собственные требования. Партийные лидеры, в

свою очередь, также вынуждены были подстраиваться под настроения солдат.

Фактическая динамика этих настроений на протяжении 1917 г. зависела от целого ряда факторов, вплоть до того, в каком районе города находились казармы той или иной части, но прежде всего – от личного состава, который к тому же постоянно менялся, поскольку Петроградский гарнизон в значительной степени состоял из запасных частей. Полки, расквартированные в столице, регулярно выделяли пополнения на фронт и сами принимали пополнения из новобранцев, выздоравливающих раненых и т.д. Постепенная отправка на передовую наиболее дисциплинированной части солдат весной 1917 г. привела к неуклонной радикализации настроений и росту влияния крайне левых группировок вплоть до анархистов. Влияние Военной организации большевиков достигло своего пика в период подготовки нового наступления на фронте, однако после отмены демонстрации, намеченной на 10 июня, стало снижаться. Неготовность умеренных большевиков к открытому конфликту с Временным правительством, ВЦИК и Петросоветом привела к разочарованию части солдат в большевистской партии. Чтобы удержать свое влияние в войсках, умеренные большевики вынуждены были присоединиться к выступлениям 3–5 июля. После подавления этих выступлений командование постаралось вывести из столицы тех солдат, которые наиболее активно протестовали против наступления. Поэтому леворадикальная волна в войсках гарнизона пошла на спад, и в октябре среди солдат преобладали пассивные настроения, так что большинство из них сохранили нейтралитет и отказались участвовать как в свержении Временного правительства, так и в его защите. К марту-апрелю 1918 г. Петроградский гарнизон был окончательно демобилизован, а Военная организация распущена.

Монография К.Б. Назаренко [33] посвящена *политической роли Балтийского флота в революционных событиях осени 1917 – весны 1918 г.* Исследование выполнено на основе документов РГА ВМФ, опубликованных нормативных актов, мемуарных источников, периодики. Книга состоит из введения, семи тематических глав, заключения, приложений, аннотированного списка персоналий, списка источников и литературы. Автор приходит к выводу о том, что Балтийский флот в революционное время оказался важным политическим фактором. Наибольшую активность проявили матросы; среди офицеров все еще были сильны прежние аполитичные настроения. Матросы-балтийцы участвовали в революционных выступлениях в феврале 1917 г. и в октябрьской осаде Зимнего дворца, однако их политические симпатии, как показывает автор, были неустойчивыми: выражения поддержки большевиков сменялись требованиями о заключении соглашения между всеми левыми партиями. Именно матросы в январе 1918 г. во главе с А.Г. Железняковым и П.Е. Дыбенко разогнали

Учредительное собрание, но дальнейший рост их влияния вызвал тревогу у большевистского руководства. После снятия Дыбенко с поста наркома по морским делам в марте 1918 г., казни командующего Балтийским флотом А.М. Щастного в июне того же года и ликвидации самостоятельных матросских отрядов в апреле – июле реальный политический вес моряков и их лидеров резко упал.

Тему флота продолжает статья Ю.З. Кантор, посвященная *роли крейсера «Аврора» в событиях 1917 г.* [20]. В Петроград «Аврора» пришла в декабре 1916 г. на ремонт. Перед этим она в течение продолжительного времени находилась в море, а потому была изолирована от политических батальонов на суше и от революционной агитации. За первые два месяца, проведенных на стоянке, напротив, произошла стремительная политизация экипажа. Матросы «Авроры» принимали участие в Февральской революции; были убиты командир корабля М.И. Никольский и старший офицер П.П. Огранович. Влияние большевиков, однако, оставалось практически ничтожным вплоть до лета. На корабле по-прежнему поддерживался довольно высокий уровень дисциплины; этому способствовало ожидание предстоящего возвращения в состав действующего флота. К концу октября 1917 г. крейсер закончил ремонт и представлял собой «плавучую крепость, расположенную в центре столицы. В Петрограде в то время не было такой воинской части, которая по своей силе и организованности могла бы противостоять “Авроре”» [20, с. 158]. Этим и было обусловлено решение большевиков использовать ее в ходе вооруженного восстания.

В статье К.А. Тарасова «Бумажное сражение» описывается *деятельность штаба Петроградского военного округа осенью 1917 г.* [48]. Главнокомандующий округом полковник Г.П. Полковников, только недавно назначенный на эту должность и не имевший опыта службы в революционной столице, после первых слухов о готовящемся вооруженном восстании, появившихся 12–13 октября, ожидал повторения массовых беспорядков 3–5 июля и не придавал должного значения чисто бюрократическому, на первый взгляд, конфликту с вновь образованным Военно-революционным комитетом. Масштаб опасности был осознан лишь 24 октября, когда солдаты, матросы и красногвардейцы, подконтрольные ВРК, окончательно превратившемуся к тому моменту в большевистский штаб восстания, уже начали занимать правительственные здания и другие стратегические объекты в городе, причем без боя, поскольку охрана не оказывала сопротивления. К исходу дня стало ясно, что большинство воинских частей, дислоцированных в Петрограде, вообще не намерены участвовать в вооруженном противостоянии ни на одной из сторон. Что касается войск, сохранивших верность Временному правительству, то для успешного противодействия силам большевиков их было явно недостаточно. Это стало одной из при-

чин, предопределивших быстрое, неожиданное и почти бескровное падение Временного правительства.

О революции в регионах

Значительное внимание в современной историографии уделяется также революционным событиям на местах. Этой теме, в частности, посвящены два крупных сборника статей – «1917: Вокруг Зимнего» [1] и «Города империи в годы Великой войны и революции» [13], а также несколько монографий.

Авторы сборника «1917: Вокруг Зимнего» рассматривают *жизнь революционного Петрограда на протяжении 1917 г.* на примере ряда наиболее известных зданий и других исторических объектов (Зимний дворец, Таврический дворец, Петропавловская крепость, крейсер «Аврора», особняк М.Ф. Кшесинской и т.д.). Как отмечается во введении, эти «места памяти» (сохранившиеся до сих пор, несмотря на все перипетии российского XX в.) упоминаются в любом исследовании по истории Февральской и Октябрьской революций, но лишь эпизодически, в связи с теми наиболее важными событиями, которые эти места напрямую затронули. Повседневная, рутинная жизнь вокруг таких объектов в промежутках между революционными потрясениями в основном остается в тени. Авторы сборника постарались частично восполнить данный пробел. Книга состоит из 12 статей и оформлена как научно-популярное издание, но фактически представляет собой оригинальное научное исследование. Многие работы сопровождаются большим числом фотографий, современных и исторических.

Открывает сборник статья А.А. Конивец, посвященная комплексу Зимнего дворца и Эрмитажа в революционные месяцы. К моменту отречения Николая II от престола императорская семья уже более десяти лет проживала в Царском Селе и посещала Зимний лишь эпизодически. К тому же во время Первой мировой войны часть помещений дворца стала использоваться как госпиталь. В июле 1917 г. во дворец переехало также Временное правительство с собственным аппаратом и охраной, что уже тогда сопровождалось многочисленными хищениями имущества. Положение усугубляла безответственность самих членов нового правительства. Керенский, к примеру, занял бывшие апартаменты Николая II, а его роскошный образ жизни во дворце впоследствии заметно подорвал его репутацию. Значительную часть ценностей дворца и Эрмитажа осенью 1917 г. удалось перевезти в Москву; эвакуацию прервал захват власти большевиками. После 25 октября (даты в книге даются по старому стилю) почти все помещения дворца были разгромлены, значительная часть оставшегося имущества расхищена. Раненых, которые все еще находились во дворце,

пришлось развезти по другим лазаретам, поскольку нормальное функционирование госпиталя в помещениях Зимнего стало невозможным. 30 октября 1917 г. «ставший уже “бывшим” Зимний дворец был объявлен “Государственным музеем наравне с Эрмитажем”. Вскоре он стал именоваться Дворцом искусств; в его парадных залах, где совсем недавно происходили исторические события, стали устраивать киносеансы, лекции и модные в те годы диспуты» [24, с. 30].

История Октябрьского переворота тесно связывает Зимний дворец с двумя другими местами памяти – Петропавловской крепостью и крейсером «Аврора». Петропавловской крепости посвящена статья Ю.Б. Демиденко [15]. На протяжении 1917 г. крепость неоднократно оказывалась в гуще революционных событий. Этому способствовало ее географическое положение в самом центре города, прямо напротив Зимнего дворца, и наличие значительных запасов оружия. К тому же еще в XVIII в. крепость начали использовать в качестве тюрьмы для государственных преступников, а Петропавловский собор, являвшийся также усыпальницей дома Романовых, делал ее одним из символов Российской империи. В ходе Февральской революции в крепости были освобождены политические заключенные и впервые захвачено большое количество оружия. В последующие месяцы здесь содержались арестованные царские министры и другие крупные сановники. Обсуждался вопрос о заключении в Петропавловскую крепость самого Николая II, а позднее также Ленина. В 20-х числах октября большевикам удалось привлечь солдат гарнизона на свою сторону; арсеналы крепости были использованы для вооружения отрядов Красной гвардии, гарнизон принял участие и в штурме Зимнего дворца. После 25 октября в крепости содержались (от нескольких дней до нескольких месяцев) бывшие министры Временного правительства, позже сюда стали свозить и других действительных и предполагаемых противников новой власти. В крепости неоднократно производились массовые расстрелы; останки более чем 150 человек, казненных предположительно в 1917–1920 гг., были обнаружены в 2007–2011 гг. во время раскопок напротив Кронверка.

В обеих публикациях, равно как и в уже упоминавшейся статье Кантор, обсуждаются и события 25–26 октября 1917 г. По сведениям Конивец, так называемый штурм Зимнего является в значительной степени мифом, причем само это выражение, насколько можно судить по сохранившимся источникам, впервые употребили противники большевиков. В действительности до полномасштабного штурма дело не дошло: после продолжавшейся несколько часов осады защитники дворца приняли решение сложить оружие, поскольку стало очевидным, что их положение практически безнадежно. Около 2 часов ночи 26 октября В.А. Антонова-Овсеенко с группой сопровождающих пропустили во дворец в качестве

парламентеров, однако «переговоры» довольно быстро завершились сдачей гарнизона и арестом Временного правительства [24, с. 16–22]. Демиденко в своей статье добавляет, что перешедший на сторону большевиков гарнизон Петропавловской крепости отказался обстреливать Зимний боевыми снарядами, ссылаясь на плохое состояние орудий (что соответствовало действительности). Тем не менее обстрел дворца состоялся, хотя и с опозданием. В 21:45 сигнальным фонарем была передана команда экипажу «Авроры» о начале штурма Зимнего; она была продублирована холостыми выстрелами из востовой пушки в крепости и носовой пушки самой «Авроры». Позже, в 11 часов вечера, со стороны крепости было дано еще четыре холостых выстрела и два боевых; в здание дворца попал один из двух снарядов, второй «по недосмотру улетел в район Сенной площади, где убил четырех человек» [15, с. 108]. «Аврора» сделала лишь один выстрел холостым зарядом, хотя впоследствии в городе ходили слухи, что она стреляла боевыми [20, с. 159–160].

Статья В.С. Измозика «Скорбный праздник» [17] посвящена мемориалу на Марсовом поле. Автор дает краткую предысторию этого места; прослеживает, как вызревало в марте 1917 г. решение устроить именно здесь братскую могилу погибших в дни Февральской революции; описывает саму церемонию похорон 23 марта и последующую историю мемориала в 1917–1922 гг.

С.В. Куликов в своей статье описывает события, происходившие в Мариинском дворце [28]. До 1917 г. здесь размещался целый ряд высших государственных учреждений империи, включая Государственный совет и Комитет / Совет министров, так что дворец воспринимался как своеобразное «продолжение» Зимнего. После Февральской революции он стал резиденцией Временного правительства; после его переезда в июле в Зимний дворец в Мариинском продолжали функционировать вспомогательные учреждения, в частности Юридическое совещание и Всероссийская комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание. Здесь же в октябре 1917 г. проходили заседания вновь сформированного Временного совета Российской республики (предпарламента). Последний 25 октября был разогнан большевиками, так же как и Юридическое совещание. 29 ноября были арестованы члены Всероссийской комиссии по делам о выборах.

Следующая статья, также написанная С.В. Куликовым, посвящена роли Петроградской городской думы в событиях 1917 г. [27]. Противостояние между городским самоуправлением и царской администрацией имело давнюю историю. Ее символическим отражением стали неоднократные перестройки здания городской думы, высота которого в конце концов превысила высоту Зимнего дворца. Это противостояние продолжалось и накануне революции, несмотря даже на то, что значительная часть гласных придерживались достаточно консервативных взглядов.

Именно попытки городской думы взять в свои руки продовольственное снабжение столицы во многом спровоцировали беспорядки в двадцатых числах февраля, завершившиеся свержением Николая II. В последующие месяцы, однако, эффективность городской думы значительно снизилась. В критический момент вечером 25 октября депутаты приняли решение поддержать Временное правительство, однако оказать ему сколько-нибудь действенную помощь они были уже не в состоянии. 16 ноября дума была распущена решением Совета народных комиссаров.

К числу менее известных мест памяти, связанных с Февральской революцией, относится дом № 12 по Миллионной улице, где 3 марта 1917 г. отрекся от престола великий князь Михаил Александрович. Его переговоры с Николаем II и представителями Государственной думы в конце февраля – начале марта описываются во второй статье В.С. Измозика. Местонахождение квартиры князя П.П. Путятина, в которой бывал в те дни Михаил Александрович, удалось установить уже в 2000-е годы Е.И. Красновой [16, с. 86].

Еще один исторический объект, прочно связанный с революционными событиями 1917 г., – это особняк балерины М.Ф. Кшесинской, судьбу которого описывает в своей статье А.М. Кулегин [26]. 1 марта здание было разгромлено ворвавшейся толпой (сама Кшесинская покинула Петроград еще 27 февраля), а 11 марта занято большевиками и на несколько месяцев стало фактически их штабом: в особняке разместились и Петроградский, и Центральный комитеты РСДРП(б). Властям удалось выселить их лишь в июле, однако все попытки Кшесинской вернуть особняк окончились неудачей. В 1954 г. здание было передано Музею Великой Октябрьской социалистической революции (ныне Государственный музей политической истории России).

А.Б. Николаев [35] описывает события вокруг Таврического дворца, который до революции являлся резиденцией Государственной думы. На протяжении 1917 г. в нем продолжали работать различные учреждения Думы и ее Временного комитета. Здесь же размещался и Петроградский совет рабочих депутатов, проходил I Всероссийский съезд Советов, работал избранный им ВЦИК Советов 1-го созыва. В августе советские органы переехали в Смольный институт. Это было связано с начавшимся ремонтом Таврического дворца перед предстоявшим созывом Учредительного собрания. Учреждения Государственной думы продолжали свою работу даже после ее официального роспуска 6 октября. Окончательно ее аппарат был ликвидирован лишь постановлением Совета народных комиссаров от 18 декабря 1917 г. В статье также подробно описывается деятельность депутатов Государственной думы в дни Февральской революции, показана их роль в свержении старого порядка.

Вторая статья Ю.З. Кантор [19] посвящена дому № 2 по Гороховой улице, где до революции работало Управление градоначальства; это же здание являлось штаб-квартирой петроградской полиции и охранки. После Февральской революции здесь разместилось Общественное градоначальство Временного правительства, а 10 декабря в здание въехала образованная 7 декабря Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Особенно подробно автор описывает неудачные попытки полиции пресечь революционные выступления в последних числах февраля, а также первые операции, проводившиеся ВЧК в конце 1917 – начале 1918 г., прежде всего ликвидацию Петроградского союза защиты Учредительного собрания. В марте 1918 г., после переезда центрального аппарата ВЧК в Москву, в здании на Гороховой 2 «поселилась» Петроградская ЧК. В настоящее время здесь находится филиал Музея политической истории России.

Завершает сборник третья статья Кантор, посвященная зданию Смольного института [21]. Сам Институт благородных девиц был фактически закрыт весной 1917 г., но какая-то часть персонала и воспитанниц проживали в здании вплоть до осени. Те, кому не удалось 20 октября эвакуироваться вместе с другими институтами в Новочеркасск, были выселены большевиками в ноябре. В Новочеркасске институт продолжал функционировать как учреждение белого правительства Юга России; последний его выпуск состоялся в 1919 г. В августе 1917 г., одновременно с Петросоветом и ВЦИК, в Смольный переехали также все входившие в их состав партийные фракции, включая и большевистскую. В результате именно Смольный оказался в октябре центром большевистского переворота. В последующие месяцы, вплоть до переноса столицы в Москву, здание использовалось как резиденция Совета народных комиссаров.

Сборник «Города империи в годы Великой войны и революции» под редакцией А. Миллера и Д. Черного [13] посвящен *социально-политическим процессам в российских городах во время Первой мировой войны, революционного 1917 года и Гражданской войны*. Большинство статей хронологически охватывают период с 1914 г. до начала 1920-х годов. Издание было подготовлено в рамках международного проекта с участием авторов из России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Грузии, Эстонии, Польши, США и Германии. Первым этапом проекта стала тематическая конференция, проведенная еще в 2014 г. В сборнике, изданном тремя годами позднее, материалы этой конференции представлены в переработанном и дополненном виде.

Книга состоит из двух разделов. Первые 13 статей написаны на материалах конкретных городов и регионов (Москва, Петроград, Урал, Прибалтика, Украина, Бессарабия, Грузия); А. Миллер отмечает во введении, что ограниченные возможности организаторов заставили их отказаться от

специального исследования городов Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии, хотя эта тема также представляет большой интерес.

Открывающая сборник статья Э.О’Доннелл посвящена ситуации в Москве [36]. Далее следует статья Я. Кузбера, описывающая перемены в Петрограде с начала войны в 1914 г. до переименования в Ленинград в 1924 г. [25].

И. Нарский анализирует положение в городах Урала на протяжении Первой мировой и Гражданской войн на основе концепции «ускоренных (уплотненных) перемен» Б. Пьетров-Энкер и К. Гёрке. Он приходит к выводу, что «мировая война и революция – драматичные приметы современности и радикальные инструменты модернизации – в уральских (и, видимо, не только) городах вызвали эффекты, прямо противоположные модернизации: вместо усложнения структур наметился их распад; “расколдовывание” действительности осуществлялось с привлечением иррациональных, “колдовских” средств; несостоявшаяся индивидуализация личности и утрата контроля над запустевшей средой обитания обернулись почти первобытными импровизациями на тему выживания» [34, с. 96–98].

К. Брюггеманн в своей статье предлагает сравнительный анализ социальных и политических перемен в Риге и Таллине на протяжении 1914 – начала 1924 г. [9]. В результате немецкой оккупации (Риги в 1917 и Таллина – в 1918 г.), революций, гражданских войн и неоднократной смены политических режимов (семь раз в Риге и пять – в Таллине) оба города стали столицами независимых государств, при этом утратив по большей части свою прежнюю этническую пестроту.

Истории Вильнюса посвящена статья Т.Р. Викаса [12]. Как и в других регионах Восточной Европы, война и немецкая оккупация принесли сюда прежде всего разруху и голод, а после капитуляции Германии длительное противоборство между литовскими и польскими националистами завершилось присоединением города к Польше – как оказалось, впрочем, всего на 19 лет.

Тему городов на оккупированной немцами территории продолжает статья А. Чернякевича, посвященная городу Гродно, занятому немцами 2 сентября 1915 г. [52]. К 1916 г. число его жителей сократилось почти в два раза; если до войны это был типичный приграничный город со смешанным еврейско-польско-русско-белорусским населением, то теперь белорусов и особенно русских почти не осталось. В годы оккупации местные белорусские националисты склонялись к тому, что наилучшей перспективой для города будет присоединение к объединенному белорусско-литовскому государству. Вместо этого после эвакуации немецких войск весной 1919 г. Гродно было занято поляками.

События в Киеве рассматривает О. Бетлий. Статья посвящена прежде всего самосознанию городского населения и его эволюции в условиях

военного времени в 1914–1916 гг. и далее на фоне свержения монархии в 1917 г. и территориального распада бывшей империи в 1918–1919 гг. Особое внимание автор обращает на то, как участники событий «определяли свои идентичности, трансформировали лояльность к империи во вполне конкретные национальные идентичности, устраивались на службу в украинских органах государственной власти или же выражали отношение к политическим событиям во время выборов» [6, с. 311]. Она отмечает также, что неспособность украинских и русских националистов к консенсусу на ценностном (а не национальном) фундаменте стала одной из причин (возможно, основной) конечной победы большевиков и установления в Киеве советской власти.

Статья Д. Черного [51] посвящена другому крупному украинскому городу – Харькову, будущей столице Украинской ССР (с 1919 по 1934 г.). Его превращение в крупный промышленный центр началось еще до Первой мировой войны и продолжилось после ее начала, в том числе за счет предприятий, эвакуированных с театра военных действий. В городе возросло число квалифицированных рабочих и соответственно влияние большевиков. Резко повысились тиражи газет, что отражало увеличившийся спрос на информацию. Первый всплеск патриотического энтузиазма сменился в 1916 г. волной забастовок. Стачки на железнодорожном узле автор считает одной из причин расстройств транспорта и перебоев с поставками продовольствия, которые в свою очередь спровоцировали революционный взрыв в феврале 1917 г. После свержения Николая II в Харькове начался стремительный рост политической активности граждан, что продемонстрировали летние выборы в городскую думу и осенние – в Учредительное собрание. После прихода большевиков к власти дальнейшее падение уровня жизни вкупе с разочарованием в результатах революции, напротив, привели к распространению пассивности, апатии, конформизма и т.д.

Население Одессы, как показано в статье И. Шкляева [53], достаточно лояльно восприняло Февральскую революцию и в последующие месяцы старалось по возможности дистанцироваться как от набравших силу большевиков, так и от украинской Центральной рады (украинцы по переписи 1897 г. составляли всего 8,5% населения города). 1917 год в Одессе, в отличие от многих других регионов России, прошел относительно спокойно. После Октябрьского переворота в Петрограде одесские власти не признали ни советское правительство, ни правительство Украинской народной республики, заявив, что будут подчиняться только Учредительному собранию. На состоявшихся в ноябре выборах наибольшее число голосов получил блок еврейских партий; результаты большевиков и украинских партий были существенно ниже. В январе 1918 г. большевикам удалось захватить власть в городе (само население Одессы в

уличных боях почти не участвовало) и создать Одесскую советскую республику. Но в последующие годы город еще неоднократно переходил из рук в руки и к моменту окончания Гражданской войны находился в состоянии полной разрухи.

Довольно сложная ситуация сложилась в Кишинёве. Как показано в статье С. Сувейкэ и В. Пысларюка, хотя город и находился достаточно далеко от линии фронта, его жители в полной мере испытали на себе тяготы Первой мировой войны. Политические баталии, развернувшиеся здесь в 1917 г., авторы оценивают как «борьбу между двумя типами политико-административного устройства: имперским и национальным» [47, с. 400]. В январе 1918 г. Кишинёв был занят румынскими войсками. Бессарабия стала одной из провинций Румынии, однако старая имперская элита в этих условиях по большей части продолжала ассоциировать себя с Россией.

Завершает первый раздел статья В. Вардосанидзе, посвященная событиям в Тифлисе [11]. Здесь на политические противоречия между царской администрацией, либеральными кругами и партиями левого толка наложились национальные противоречия между грузинами, русскими и армянами. Примечательно, что именно в Тифлисе представители либеральной оппозиции в самом начале 1917 г. предложили великому князю Николаю Николаевичу сменить на троне Николая II; великий князь предложение отклонил. В 1918–1921 гг. Тифлис являлся столицей независимой Грузии.

Второй раздел содержит четыре статьи, в которых обсуждаются некоторые общие аспекты истории российских городов в изучаемый период. Так, Дж.А. Санборн обращает внимание на то, насколько быстро и синхронно по самым разным городам – не только приграничным, но и максимально удаленным от границ уральским – с началом Первой мировой войны прокатилась волна одних и тех же деструктивных процессов (коллапс управления, хозяйственный кризис, стремительный рост национализма и др.) [43, с. 483–486]. В то же время во всех описанных в сборнике городах наблюдался подъем гражданской активности, особенно быстрый в прифронтовой зоне, «где была наиболее очевидна неспособность государства справиться с требованиями тотальной войны» [43, с. 486–487]. Санборн также обращает внимание на то, что в литературе до сих пор не разработана такая тема, как история уличных боев в российских городах в рассматриваемый период, хотя ее изучение может дать нам новый важный материал для анализа [43, с. 488–489]. Завершает сборник статья Б. Колоницкого с рассуждениями о дальнейших перспективах сравнительного изучения русских городов в эпоху войн и революций [22].

Региональную тему продолжает монография В.П. Сапона, анализирующего революционные процессы 1916–1917 гг. на материале Нижегородской губернии [44]. Автор рассматривает прежде всего деятельность

политических партий и межпартийную борьбу. Основное внимание уделяется организациям большевиков, меньшевиков, эсеров и кадетов, но представлена также и деятельность черносотенных организаций, «которые, активно действуя в имперский период нашей истории, не сложили идейного оружия и после Февральской революции 1917 года» [44, с. 5]. Выбор хронологических рамок работы автор обосновывает необходимостью подробнее исследовать перипетии политической борьбы между оппозицией и правительством на протяжении 1916 г. Тогда была подготовлена почва для событий Февраля 1917 г.; так и в марте-октябре 1917 г. сформировались необходимые предпосылки для захвата власти большевиками.

По наблюдениям автора, политические процессы в Нижегородской губернии во многом перекликались с тем, что происходило в столицах. Основной движущей силой растущего протестного движения в 1916 г. являлись либералы, однако уже в тот период активизировались и левые партии. Влияние черносотенцев, напротив, почти сошло на нет еще до крушения самодержавия, хотя немногочисленные организации правых монархистов продолжали действовать и после Февральской революции. Весной-летом 1917 г. инициатива в местной политике довольно быстро перешла к социалистам, среди которых почти сразу начался процесс дробления, выделялись все новые и новые партии и течения. Так, организационный раскол среди местных социал-демократов произошел уже в мае. Разобщенность левых партий не позволила им эффективно противостоять большевикам, чье влияние неуклонно росло даже при отсутствии большинства в Советах. В ноябре 1917 г. в Нижнем Новгороде был установлен советский режим.

К сожалению, автор не избежал определенного влияния современной конспирологической литературы: всячески подчеркивается «спланированный» характер Февральской революции (со ссылками, к примеру, на работы В.А. Никонова) и игнорируется такой фактор, как спонтанные народные выступления. Книга может представлять интерес как описательное исследование.

Несостоявшийся юбилей

Восприятию столетней годовщины революций 1917 г. в России и в мире посвящен сборник «Революция–100: Реконструкция юбилея» под редакцией Г.А. Бордюгова, изданный Ассоциацией исследователей российского общества [38]. Он подготовлен на основе регулярного мониторинга публичных высказываний, статей, памятных мероприятий и т.д., приуроченных к юбилею революции, проводившегося с начала осени 2016 г. до ноября 2017 г. Книга состоит из 31 статьи, объединенных в семь разделов («Предыстория», «Контекст», «Среда», «Рефлексии», «Страна», «Мир», «Образы»), снабжена обширным иллюстративным материалом.

В приложении приводится хронологический список газетных и сетевых публикаций, посвященных революции и памятным мероприятиям в связи с ее 100-летней годовщиной, за период проведения мониторинга. Ниже рассматриваются только статьи, описывающие восприятие годовщины революции в России, поскольку реакция на нее за рубежом выходит за рамки данного обзора.

Сам Бордюгов в статье «Российская революция в столетнем пространстве памяти» [8] анализирует предшествующие юбилеи революций 1917 г.: празднование первой годовщины в 1918 г., торжества и альтернативные манифестации 1927 г., юбилеи 1937, 1947, 1957, 1967 и 1977 гг., последний советский юбилей 1987 г., когда правящий режим уже терял монополию на историческую память, и, наконец, восприятие революции в постсоветский период. Крушение советского режима сопровождалось отказом от прежних официальных трактовок Февральской и Октябрьской революций, но никакого альтернативного видения этих событий российское общество выработать так и не сумело. В следующей статье «2017: Новые смыслы воспоминаний о революции» Бордюгов приходит к выводу, что 100-летний юбилей революции «в целом оказался несвоевременным: ни власть, ни общество не были готовы к началу подлинного диалога о прошлом – во благо настоящего» [7, с. 105].

Краткий обзор современной историографии событий 1917 г. содержится в статье П.В. Акульшина [2]. Тему академической рефлексии продолжает статья Л.В. Максименкова, посвященная участию российских архивов в юбилейных мероприятиях. Автор констатирует, что официальная программа архивных публикаций и выставок по линии оргкомитета «Революция–100» при Российском историческом обществе была по существу провалена, значительная часть намеченных мероприятий реализована не была. Наиболее очевидным провалом Максименков называет закрытие РГАНИ практически на весь период юбилейных мероприятий в связи с переездом, в результате чего оказались недоступными, например, личные документы Ленина. Целый ряд интересных архивных публикаций вышли в свет вне официальных государственных юбилейных мероприятий; особое внимание автор уделяет выпущенному издательством Новоспасского монастыря шестому тому документов Поместного собора 1917–1918 гг. Неожиданным образом церковь подошла к археографическому освещению революции более грамотно и профессионально, нежели архивное сообщество. Как чрезвычайно тревожный сигнал автор отмечает наметившуюся в последние годы тенденцию к повторному ограничению доступа исследователей к документам советской эпохи [29, с. 316].

В статье П.Г. Черёмушкина [50] описывается, как революции 1917 г. и неоднозначное отношение к ним в постсоветский период отразились на судьбе городских памятников, включая разрушение памятников импера-

торам и государственным деятелям царской эпохи в первые послереволюционные годы, низвержение советских памятников после распада СССР, современную ситуацию с памятниками в России и волну сноса памятников Ленину на Украине в рамках закона о декоммунизации. Автор показывает, что продолжающиеся в России «войны памятников» отражают отсутствие консенсуса в обществе по вопросу об отношении как к советскому, так и к дореволюционному прошлому.

П.Н. Опалин [37] анализирует реакцию интернет-сообщества на столетие революций 1917 г. В целом она была довольно ограниченной по масштабам, годовщины победы в Отечественной войне обсуждаются гораздо активнее. Тем не менее в Сети появилось несколько интересных, качественно сделанных ресурсов, посвященных революции, а участники дискуссий нередко демонстрировали нестандартные, даже неожиданные, подходы к обсуждаемым вопросам.

Статья С.Г. Антоненко [3] посвящена осмыслению событий 1917 г. российскими религиозными организациями и сообществами. Автор констатирует, что более или менее развернутую комплексную оценку этих событий попытались дать только Московская патриархия и в гораздо меньшей степени – российские протестанты. Внимание других религиозных общин было сосредоточено главным образом на влиянии, которое революция оказала на их собственную историю. При этом даже осмысление революционных событий иерархами РПЦ МП остается незавершенным и неполным. Антоненко связывает это с тем, что в сознании самих служителей церкви остаются непроработанными (даже в психологическом смысле этого слова) такие крайне болезненные вопросы, как степень ответственности самой церкви за катастрофу 1917 г. и сотрудничество патриархии с советским режимом в 1943–1991 гг.

Отражению столетия революции в художественной культуре посвящены две статьи. Б.В. Соколов анализирует образы событий 1917 г. в современной российской литературе, на театральной сцене, а также в кино. Как показывает проведенное им исследование, документальные фильмы 2017 г., посвященные революции, равно как и телесериалы, отличаются крайней политизированностью и не имеют ничего общего с научно обоснованной картиной обсуждаемых событий. В то же время в отдельных деталях заметны расхождения между авторами разных фильмов, что свидетельствует об определенной гибкости госзаказа. По сути, основной посыл сводится к тому, что «хорошо» все, что укрепляет сильное, единое и неделимое Российское государство, а «плохо» – все, что подрывает его мощь. Поэтому однозначно негативную оценку получила Февральская революция, тогда как в оценках Октября единого мнения нет: большевики в разных фильмах представляются то как разрушители России и германские агенты, то как сила, сумевшая обуздать революционный хаос. Единствен-

ным художественным фильмом, помимо телесериалов, хоть как-то связанным с революционной тематикой, оказалась «Матильда», имевшая, однако, лишь довольно скромный успех, несмотря на своеобразную рекламную кампанию, устроенную ее хулителями из числа «царебожников». Число театральных постановок, посвященных революции, в 2017 г. было минимальным. Автор констатирует, что «ни одного настоящего шедевра, посвященного революции, в юбилейный год в сфере художественной литературы, театра, художественного кино, телесериалов и кинодокументалистики не появилось» [46, с. 422]. Он связывает это как с общим состоянием отечественной культуры, так и с тем, что тема революции в настоящее время не является по-настоящему актуальной и увлекательной для российского художественного сообщества. К схожим выводам приходит И.С. Давидян в статье о выставках, посвященных 100-летию революции. В большинстве своем они были весьма однообразны и показали зрителю лишь весьма фрагментарную картину событий [14].

В следующих трех статьях описываются юбилейные мероприятия в отдельных российских городах: Нижнем Новгороде [31], Екатеринбурге и Санкт-Петербурге. А.В. Антошин, анализируя ситуацию в Екатеринбурге, приходит к выводу, что большинство уральцев к годовщине революции отнеслись индифферентно [4, с. 537]. Что касается Петербурга, то, как показано в статье Ю.И. Басилова, в «городе трех революций» сосуществуют несколько конкурирующих образов «семнадцатого года»; городские власти при этом постарались по возможности дистанцироваться от обсуждения этих событий [5].

Завершает сборник статья С.П. Щербины, содержащая огромную подборку визуальных образов революции, с анализом их эволюции с 1917 г. до наших дней [54]. Анализ выполнен на основе концепции мемов Ричарда Докинза (1976). Автор прослеживает историю основных мемов, связанных с революциями 1917 г. (Октябрьская революция, Февральская революция, мировая революция, вожди государства, крейсер «Аврора» и др.).

Заключение

В целом «юбилейные» российские издания, приуроченные к 100-летию революций 1917 г., производят противоречивое впечатление. С одной стороны, очевидно, что активное изучение этих событий продолжается, в том числе с использованием ранее недоступных источников и на основе новых методологических подходов. Осваиваются и новые комплексы проблем, которые в советские годы не исследовались или исследовались недостаточно подробно. С другой стороны, приходится констатировать, что негативные тенденции, свойственные в последние годы российской исторической науке в целом, оказали свое влияние и на историографию

Февральской и Октябрьской революций. Здесь также заметна доля исключительно описательных работ, в том числе с подменой подлинно научного анализа в лучшем случае дежурными нападками на российских либералов, в худшем – рассуждениями о том, что вся революция представляла собой спланированный антиправительственный заговор. Подобные тенденции тем более тревожны, что полностью соответствуют давно сформировавшемуся госзаказу на апологию «сильной» государственной власти, не ограниченной демократическими институтами, и на дискредитацию демократических ценностей как якобы не соответствующих «особому историческому пути» России.

По-прежнему нет и сколько-нибудь целостной обобщающей концепции революций 1917 г., которая могла бы увязать отдельные события в единый процесс и которую можно было бы использовать в качестве объяснительной модели при анализе более узких сюжетов. Отсутствие такой концепции, впрочем, вполне соответствует общему состоянию российского социума, который, как хорошо показано в цитировавшемся выше коллективном труде Ассоциации исследователей российского общества, оказался не готовым к глубокому и вдумчивому осмыслению трагических событий 100-летней давности. Комплексный научный анализ русской революции остается делом будущего.

Список литературы

1. 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – 247 с.
2. Акульшин П.В. Академический дискурс столетия революции // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 272–301.
3. Антоненко С.Г. Образ революции 1917 года в конфессиональном поле смыслов // Революция–100: Реконструкция юбилея / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 204–244.
4. Антошин А.В. 100-летие революции на Среднем Урале // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 510–537.
5. Басилов Ю.И. Столетие в городе трех революций // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 457–491.
6. Бетлий О. Киев – город проблемных идентичностей // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 272–317.
7. Бордюгов Г.А. 2017: Новые смыслы воспоминаний о революции // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 97–105.
8. Бордюгов Г.А. Российская революция в столетнем пространстве памяти // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 51–94.
9. Брюггеманн К. Города имперских и национальных утопий: Транснациональный взгляд на Ригу и Таллин, 1914–1924 // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 100–139.
10. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: Культурные ландшафты русской революции. – М.: ИстЛит, 2017. – 619 с.
11. Вардосанидзе В. Тифлис, 1914–1921: Драматические страницы биографии «двуликого Януса» // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 410–473.

12. Викс Т.Р. Вильнюс между империей и национальным государством в 1914–1922 гг. // Города империи в годы Великой войны и революции: сб. статей. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 173–208.
13. Города империи в годы Великой войны и революции: сб. статей / под ред. А. Миллера, Д. Черного. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 519 с.: ил.
14. Давидян И.С. Нечто 2017: Столетие Русской революции в историко-документальных и художественных выставках // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 423–454.
15. Демиденко Ю.Б. Революционный год в «русской Бастилии»: Петропавловская крепость // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 98–117.
16. Измозик В.С. Свидетель отречения: Квартира князя П.П. Путягина // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 84–97.
17. Измозик В.С. Скорбный праздник: Марсово поле // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 40–55.
18. Ильухов А.А. Советская коалиция: Ноябрь 1917 – июль 1918 г. – М.: Издательский дом Государственного университета управления, 2017. – 524 с.
19. Кантор Ю.З. Дом «чрезвычайного» назначения: Гороховая, 2 // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 194–211.
20. Кантор Ю.З. «Команда станет самой ненадежной»: Крейсер «Аврора» // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 148–163.
21. Кантор Ю.З. «Это пахнет революцией»: Смольный // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 212–245.
22. Колоницкий Б. Города империи и горожане в эпоху войн и революций: Перспективы сравнительных исследований // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 509–519.
23. Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 г.). – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 520 с.
24. Конивец А.В. «Кругом измена и трусость, и обман!»: Зимний дворец // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 4–39.
25. Кузбер Я. Петроград в годы войны и революции, 1914–1924 // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 52–78.
26. Кулегин А.М. «Специально великокняжеский»: Особняк М.Ф. Кшесинской // 1917. Вокруг Зимнего / сост. Ю.З. Кантор. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 118–135.
27. Куликов С.В. «Мы разыграли такой пошлый фарс»: Петроградская городская дума // 1917. Вокруг Зимнего / сост. Ю.З. Кантор. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 70–83.
28. Куликов С.В. «Средоточие управления и законодательства»: Мариинский дворец // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 56–69.
29. Максименков Л.В. Архивный ракурс юбилея // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 302–358.
30. Мамаев А.В. Городское самоуправление в России накануне и в период Февральской революции 1917 г. – М.: ИстЛит, 2017. – 410 с.
31. Маслов А.Н., Сапрыкина М.Г. Революционный держите рас, или Как сыграли в юбилей 1917 года на Нижегородской земле // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 492–509.
32. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: Нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 655 с.
33. Назаренко К.Б. Балтийский флот в революции, 1917–1918 гг. – М.: Эксмо: Яуза; СПб.: Якорь, 2017. – 448 с.

34. Нарский И. «Семилетняя война» и «ускоренные перемены» в городах Урала (1914–1921/22) // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 79–99.
35. Николаев А.Б. «Учреждение», а не «помещение»: Таврический дворец // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 164–193.
36. О’Доннелл Э. Хозяйственная жизнь и власть в Москве, 1914–1920 // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 19–51.
37. Опалин П.Н. Сеть для революции: 1917 год в цифровом пространстве // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 152–177.
38. Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 1087 с.
39. Революции 1917 года в России: Современная историография: Реферативный сборник. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 182 с.
40. Революция и Гражданская война в России: Современная историография: Сб. статей, обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – 222 с.
41. Российская революция 1917 года: Власть, общество, культура: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2017.
42. Самоходкин В.Н. Политическая и государственная деятельность Г.Е. Зиновьева в ходе Великой Российской революции, 1917 – март 1918 г.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2017. – 264 с.
43. Санборн Дж.А. Реквием по империи // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 482–490.
44. Сапон В.П. Нижегородская губерния в 1916–1917 гг.: От «феврализма» к большевизму. – Нижний Новгород: [Б. и.], 2017. – 310 с.
45. Сенин А.С. Русская армия в 1917 г.: Из истории Военного министерства Временного правительства. – М.: Вече, 2017. – 415 с.
46. Соколов Б.В. Юбилей революции 1917 года в художественной литературе, художественном кино, телевизионных сериалах, документальных фильмах и в театральных постановках // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 359–422.
47. Сувейкэ С., Пысларюк В. Город Кишинёв: От западной окраины Российской империи к восточной окраине Великой Румынии // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 370–409.
48. Тарасов К.А. «Бумажное сражение»: Штаб Петроградского военного округа // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 136–147.
49. Тарасов К.А. Солдатский большевизм: Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. – март 1918 г.). – СПб.: Издательство Европейского университета, 2017. – 375 с.
50. Черёмушкин П.Г. 100-летие революции в бронзе и камне: От ленинского плана монументальной пропаганды до «ленинопада» // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 133–151.
51. Черный Д. Харьков в годы Первой мировой войны и революции // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 318–348.
52. Чернякевич А. Гродно: Город без Отчизны // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 209–237.
53. Шкляев И. Одесса в 1914–1921 гг.: Город в экстремальных условиях войны и революции // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 349–369.
54. Щербина С.П. Образы революции: Рождение и эволюция // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 823–971.